

*КАК ЭТО БЫЛО

Теперь почти никого не удивляет, что о нашем недавнем прошлом, как правило, говорится если не целиком осудительно, то уж непременно с употреблением оценок и эпитетов уничижительного свойства. Особенно достается тем, кто в застойные времена стоял на «капитанском мостике» нашего партийно-государственного корабля. Надо признать, в большинстве своем критика отдельных деятелей, входивших в «руководящую обойму» той поры, имеет достаточно веские основания.

Вместе с тем общественное мнение отнюдь не склонно всех «стричь под одну гребенку». По своим интеллектуально-духовным, нравственным качествам, стилю и методам работы люди, находившиеся в прежнем руководстве, существенно различались. Как говорится, не все «одним миром мазаны». А потому и отношение народа к стоявшим у власти, естественно, было и остается далеко не одинаковым.

В сердце народном по-прежнему запечатлелись такие деятели, как А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров. В ряду партийных лидеров, заметно выделявшихся на сером фоне торжествовавшей долгие годы посредственности, находился и Петр Миронович Машеров. Его отличали истинная интеллигентность, нравственное благородство, демократизм, человечность. В белорусском народе, у миллионов советских людей в самых разных регионах нашего многонационального Отечества он оставил о себе светлую память.

Но, оказывается, это иным явно не по душе, и они тщатся во что бы то ни стало разрушить сложившееся представление о П. М. Машерове. Именно такую неблагоприятную цель, видимо, преследовал Г. Губский, опубликовав в новоявленной газете «Парадокс» в одном из ее первых номеров под рубрикой «Свидетельство очевидца» опус о П. М. Машерове с претенциозным подзаголовком «Тайна драмы». Сделано это явно с расчетом заинтриговать читателя. Но никакой тайны автор не приоткрывает.

Драма же действительно была. Драма человека, опередившего свое время и порой вынужденного подчиняться «правилам игры», установленным теми, кто на словах заявлял о своей верности ленинизму, а на практике отходил от него все дальше и дальше. Словом, драма талантливого партийного лидера, революционного романтика, звезда которого взшла на тусклом небосклоне брежневского безвременья и не смогла раскрыться в полной мере.

Чего только не ставится в вину Машерову: и то, что он ради карьеры «шел по указанной центром дороге», и что под его нажимом колхозы и совхозы отдавали «собранные по сусекам последние клубни, обречка общественное животноводство на голодную зимовку», и что он-де занимался показухой, создавая «животноводческие комплексы-монстры», «оази-

Пишущему эти строки довелось на протяжении многих лет работать в аппарате ЦК КПБ, в том числе и на должностях, где по долгу службы приходилось постоянно контактировать с Петром Мироновичем, вникать в круг решаемых им проблем, видеть его в деле, в живом общении с самыми различными людьми.

И могу убежденно заявить: П. М. Машеров, вопреки утверждению Г. Губского, ни в чем не напоминал «созданный брежневской машиной образец» высокопоставленного партийного функционера, бездумно выполнявшего «спущенные сверху указания». Его отличало в большом и малом ярко выраженное творческое начало. Да

сушливым, и с кормами для животноводства было туго).

Естественно, и у него бывали ошибки, «проколы», но, говоря словами Ленина, не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Как человек увлеченный и увлекающийся (чем пользовались порой иные псевдонаторы) Петр Миронович иногда открывал «зеленый свет» идеям и проектам, внешне многообещающим, но недостаточно проработанным экономически, технологически, не испытанным на практике в условиях Белоруссии. И хотя прямой вины в том нет, но что было, то было. Были и незаполненные, сверхающие сенажные баши, поскольку порой не хватало для них нужного техно-

органическую потребность в общении с деятелями науки, культуры, литературы и искусства и всячески помогал развитию интеллектуального творчества. Это по его инициативе строились целевые назначения многоквартирные дома улучшенной планировки для работников науки, высшей школы. Он добивался, чтобы квартиры в домах для художников и скульпторов обязательно сочетались с мастерскими для их творчества. В те годы был построен Дом литератора в Минске, прекрасные здания театров в Бобруйске, в столице республики и многое другое, что позволило существенно укрепить материальную базу культуры. Пристрастия Петра Мироновича, политика и действия возглавляемой им республиканской партийной организации в сфере науки и культуры настолько очевидны, что намекать на что-то недоброе здесь просто кощунственно.

Равным образом нарочито гиперболизированным выглядит утверждение, что он «подмял под себя весь огромный партийный, советский и административный аппарат». Верно то, что П. М. Машеров «сконцентрировал в своих руках огромную власть». Такое было время. Но в отличие от деятелей типа Гришина, Рашидова, Романова он не злоупотреблял вверенной ему властью, не «греб под себя». Меньше всего он полагался на магическую силу команд, запретов, административных ограничений. Верил в необходимость правды в большом и малом, подчеркивал, сколь важно «достучаться до сердца» каждого человека.

В ту пору, когда считалось неприличным и даже предосудительным затрагивать какие бы то ни было теневые стороны нашего бытия, он не побоялся возвысить голос против «так называемых скрытых, глубоко закамуфлированных проявлений нравственной скудости личности, которые имеют сравнительно широкую распространенность» и зачастую не получают надлежащей оценки в семье, школе, трудовых коллективах. В своем докладе на Всесоюзной научно-практической конференции по вопросам идеологической работы Петр Миронович с тревогой говорил об опасности таких нравственных аномалий, как индивидуализм и эгоизм, наущничество и подхалимство, неушищенность и карьеризм, призвал к активной борьбе с этими пороками, деформирующими личность.

Сенсации не получились...

(По поводу одной из публикаций «Парадокса»)

сы типа могилевского колхоза «Рассвет», гродненского колхоза «Прогресс», которые-де «поглощали материальные и финансовые ресурсы республики».

Перечень обвинений, бездоказательно выдвигаемых Г. Губским, охватывает все сферы, включая допущенные в системе МВД нарушения законности, строительство «разного рода гостиниц, вилл, дач, охотничьих поместий» и т. д. Причем делается это по предельно простой схеме: «Коль было при нем, значит и вина на нем». В обвинительном ражее автор доходит до курьезов: даже факт одобрения Петром Мироновичем одной из очередных комедий А. Манденга расценивается как прегрешение и подается как одно из подтверждений ошибочности бытующего мнения о том, что «Машеров уважительно относился к творческой интеллигенции».

Вот так глобально, всеохватно, вкривь и вкось перетолковывая то, что происходило в республике в недавнем прошлом, возводятся (и это нельзя расценивать иначе!) прямой поклеп на одного из чтимых и уважаемых в республике, да и

и сам он тянулся к людям творческим, способным к неординарным решениям возникающих проблем, проявляющим новаторский почерк в труде, умевшим делать больше и лучше посредством эффективного использования достижений науки и передового опыта. И немало из того, что «спускалось сверху», обречало совсем иные очертания и параметры в республике, стремившейся искать свой путь и методы решения социально-экономических и идеологических проблем.

И в том, что индустриальный потенциал республики в среднем каждые 7 лет практически удваивался, динамично развивалось сельское хозяйство, росла урожайность зерновых и продуктивность общественного животноводства, расширялся фронт фундаментальных и прикладных научных исследований, обеспечивалась довольно высокая темп динамика развития высшей школы, укреплялась материальная база культуры, да и поли в магазинах отнюдь не пустовали, — во всем этом проявлялось и трудолюбие белорусского народа, и, несомненно, воздействие тех решений, какие принимались с участием П. М. Машерова, той большой политической и организаторской работы, которая проводилась Компартией Белоруссии под его руко-

гического оборудования, да и технология закладки сенажа не всюду выдерживалась строго. Крупные животноводческие комплексы, в целом сыгравшие важную роль в наращивании республикой производства животноводческой продукции, кое-где действительно прозябали из-за недостатка кормов. Но ведь просчеты такого рода не оставались незамеченными. Любому непредубежденному человеку достаточно полистать подшивки республиканских газет и журналов того времени, чтобы убедиться, сколь острой критике подвергались тем же Машеровым любые проявления бесхозяйственности, головотяпства, иждивенчества. Он в 70-х годах, к примеру, жестко проводил линию на то, чтобы при сооружении животноводческих комплексов ставка делалась не на привозные, а на собственные корма. И добивался этого.

Г. Губский не жалеет сарказма, рисуя мрачную картину «истерзанной земли» в результате появления на ней мощных химических производств. Да, многие из этих производств действительно появились и создавались при жизни Машерова, и